© 2018 г.

С.Ю. БАРСУКОВА

АНЕКДОТЫ О НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: СМЕШНО О СЕРЬЕЗНОМ

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор департамента социологии факультета социальных наук, заместитель руководителя Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (svbars@mail.ru).

Аннотация. Анекдоты – короткие рассказы с неожиданным, парадоксальным концом. Пожалуй, нет ни одной стороны общественной жизни, которая не была бы отражена в анекдотах. В статье анализируются практики анекдотического творчества, посвященного неформальной экономике в позднем СССР и постсоветской России. Выделяются ключевые сюжеты анекдотов, их динамика на фоне происходящих перемен в политической и экономической жизни российского общества. Показано, как в анекдотах про неформальную экономику в зависимости от времени их возникновения изменялись типичный персонаж, отношение к нему рассказчика, используемые стилистические приемы и функциональное значение анекдотов. Для сравнения выбраны периоды позднего социализма, активных реформ 1990-х гг. и после 2000 г.¹

Ключевые слова: анекдоты • практики смеха • неформальная экономика

DOI: 10.31857/S013216250001966-5

Предварим текст кратким замечанием. Советские анекдоты более-менее каталогизированы. Это результат труда М. Мельниченко, чей сборник можно считать наиболее полным собранием советского анекдотического творчества [Мельниченко, 2014]. Однако в постсоветский период «перепись» анекдотов не проводилась, ее время еще не пришло. Есть множество мелких разрозненных сборников анекдотов, интернет-сайтов, газетных рубрик? не претендующих на полноту. Это огромное, неподдающееся строгому количественному учету поле народного юмора, которое дает повод ученому поразмышлять над основными темами и смыслами, типичными героями и отношением к ним. Любое размышление – это собственное видение ситуации, где суждения верифицированы логически, а не количественно.

Смех – дело серьезное. Исследования юмора и анекдотов имеет давнюю традицию. Трактровка смеха как реакции на нечто неправильное, негативное заложил еще Аристотель в «Поэтии». «...Смешное – это некоторая ошибка и безобразие; никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [Аристотель, 1957: 53]. Аристотель считал способность смеяться – отличительной чертой человека от животного. Вслед за ним эту

Статья написана в рамках проекта «Российская экономика после кризиса: пересматривая социальные основания рыночного обмена», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

¹ В статье использованы материалы из: [Барсукова, 2015].

мысль развивали Гоббс, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Спенсер и другие мыслители. Все они в той или иной форме присоединились к версии, что смех опирается на негативные эмоции, переплавляя их в иронию и юмор, что способствует сглаживанию конфликта. Впрочем, юмор способен и, напротив, обострить отношения смеющегося и смеянного. Пример тому – анекдоты на этническую тему.

Влияние юмора на конфликт амбивалентно. На микроуровне он защищает человека, позволяет снизить дискомфорт социальных рамок, выступает социальным амортизатором, а на макроуровне может послужить катализатором конфликта, вызвать социальный взрыв [Дмитриев, 1996].

Версию юмора как сублимации конфликта и канализации страхов развил З. Фрейд в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» [Фрейд, 2015]. Его основная идея состоит в том, что смех – это защита психики, средство снятия напряжения, созданного конфигурацией социальных норм. Юмор не решает проблемы, но снижает их остроту и помогает адаптироваться к ним.

Юмор и смех возникают в ходе символического взаимодействия. Это блестяще подчеркнул А. Бергсон [Бергсон, 1992]. Он уподобляет смеющихся людей «заговорщикам» ввиду того, что для понимания юмора необходимо погружение в некий социальный контекст, знакомство с практиками и нравами, по поводу которых рассказывают анекдоты. Возможность понимать шутки очерчивает границы «своих», знакомых с контекстом этой шутки, с ее символическим смыслом. Вне контекста анекдоты становятся музейными экспонатами [Graham, 2003]. То, что Россия стала иной страной, чем СССР, доказывает не только трансформация экономической и политической систем, но и тот факт, что молодые люди, родившиеся после 1990-х, часто не понимают советских анекдотов.

Что противопоставит смеху? Есть версия, что антиподом смеховой культуры является серьезность, в том числе государственная серьезность в форме идеологии (А. Ахиезер). Но есть и другое мнение: эмоциональным и смысловым антиподом смеху является не серьезность, а стыд [Карасев, 1989]. Антитеза смеха и стыда построена на общей функциональной сути – и то, и другое являются мощными регуляторами поведения человека в обществе. Однако «механизмы» их действия противоположены: смех адресован другим, он направлен вовне, тогда как стыд переживается внутри. Смеются на чем-то или над кем-то, призывая окружающих разделить это чувство, а стыдятся себя, таясь от других. Физические реакции тела на эти ситуации практически невозможно сдержать: человек «прыскает» смехом или краснеет от стыда.

СССР развитого социализма: остроумные «несуны» в царстве блата. В качестве эмпирического материала мы используем уже упоминавшийся сборник советских анекдотов [Мельниченко, 2014]. В нем выделено 5852 сюжета, каждый из которых мог обыгрываться в нескольких, слегка различимых анекдотах, сохраняя юмористическое ядро.

Мы пытаемся реконструировать с помощью анекдотов обычную, повседневную жизнь советских людей и их отношение к неформальной экономике. Под неформальной экономикой понимается экономическая реальность, не подконтрольная государству, осуществляемая вне планового механизма регулирования экономики. Американский исследователь Г. Гроссман называл ее «второй экономикой СССР» [Grossman, 1977].

Из множества советских анекдотов для анализа использованы лишь те, которые непосредственно относятся к теме неформальной экономики. Такие анекдоты представлены в разделах «Коррупция, взятки, растраты, воровство на производстве», «Социалистическая законность и милиция», «Система распределения, очереди», а также «Голод, дефицит, дороговизна». Они являются, пожалуй, самым достоверным свидетельством отношения к неформальной экономике в СССР, юмористической самопрезентацией включенности в нее².

Основой, фундаментом неформальной экономики по-советски был дефицит. Западные исследователи указывали, что если теневая экономика Запада сводится к понятию «ухода от налогов», то «вторая» экономика СССР тяготеет к воровству, хищениям. Но эти явления неверно квалифицировать как результат алчности и стяжательства. Понять «вороватость» советских граждан невозможно вне контекста тотального дефицита. Это же

² Более широкие исследовательские задачи, вплоть до попыток представить русский национальный характер через приму анекдотов см. [Зубанова, 2012].

касалось и жизни предприятий, их борьбы за выполнение плана, успех чего прямо зависел от оборотистости директоров заводов и председателей колхозов.

Дефицит отравлял жизнь советских людей. Как шутили тогда: «*Единственный магазин, где и товаров много, и вход свободный – “Политкнига”*». Огромные очереди за самым необходимым выматывали людей. На помощь приходил юмор. Анекдоты смягчали агрессию, трансформируя дефицит в повод для шуток:

– *Что такое склероз по-советски?*

– *Это когда человек смотрит в сумку и начинает мучительно вспоминать, идет он в магазин или из магазина.*

Дефицит прямо связывали со спецификой советского строя, плановой экономикой и диктатурой коммунистической партии:

– *Что такое очередь?*

– *Это подход к прилавку по-коммунистически.*

Важно отметить принципиальное неверие населения в способность государства решить проблему дефицита. Характерно отношение советских людей к Продовольственной программе, которую правительство инициировало в 1981 г. для обеспечения населения продуктами питания. Народ в ответ создал шуточный лозунг: «*Умрем с голоду, но Продовольственную программу выполним!*».

Однако дефицит касался не всех. Были счастливые исключения в виде партийной и хозяйственной номенклатуры, которые отоваривались в специальных магазинах или приобретали дефицитные товары в обычных магазинах «из-под прилавка» или «с черного входа». И народ канализировал возмущение в анекдотическую форму:

– *Что дала Октябрьская революция простому народу?*

– *Раньше господа заходили в магазин с парадного входа, а простонародье – с черного, теперь – наоборот.*

Привилегированное начальство, «слуги народа» стали объектом шуток. И это было не простым «выпусканием пара» или, говоря научно, сублимацией конфликта. Когда тот, кто внизу социальной лестницы, смеется над тем, кто наверху, социальная иерархия «сплющивается», дистанция между смеющимися и осмеянными сокращается. Происходит сглаживание социального неравенства посредством принижения (и унижения) верхних этажей советского мироустройства. «...Вместо ненависти к дуракам юмор позволяет ощутить превосходство над ними» [Бутенко, 1997: 136].

Блат как способ решения проблемы дефицита был абсолютно легитимирован в советских анекдотах: «*При капитализме все берут золотом, при социализме – блатом*». Его оправдание сводится к невозможности другими способами решить сложную жизненную проблему или получить доступ к необходимому ресурсам. Блат явился необходимым элементом повседневного-бытовой мифологизации жизни советского человека. О нем шутят по-доброму, не веря в его исчезновение: «*Блат не удалось похоронить, потому что гвозди для гроба можно найти только по блату*».

Да и «хоронить» некому. В способность милиции и судов противодействовать беззаконию народ совершенно не верит. В зеркале анекдотов продажность и ангажированность следователей и судей отражается в виде их девиза: «*Факты, конечно, упрямая вещь, но и мы не лыком шиты*». То есть посадить человека в тюрьму можно при любой, даже самой слабой доказательной базе.

Впрочем, от правоохранительной системы можно и откупиться. Анекдоты фиксируют взяточничество в силовых структурах, которые должны непосредственно бороться с коррупцией:

– *За что сидишь в тюрьме?*

– *За взятку.*

– *За что освободили?*

– *За взятку.*

Классический милиционер в советских анекдотах – персонаж тупой и жадный. Ему отказано в заботе об общем благе. Наоборот, власть используется им как ресурс извлечения дохода в личных целях. Особенно достается инспекторам ГАИ, работающим под лозунгом: «*Мои дети не могут ждать, пока ты нарушишь закон*».

Если о благе говорят снисходительно, то о нравах в милиции шутят зло и остро, иногда срываясь на открытые оскорбления. На смену мягкому юмору приходит ярая

критичность. В анекдотах про дефицит, про очереди, выматывающие и истязающие, все же сквозит социальный оптимизм, даже гордость за умение приспособиться к этим трудностям, проявляя смекалку и изобретательность. В анекдотах про милицию и суды царит полное отсутствие надежды на перемены. На привычный запрос представителя ГАИ, требующего предъявить водительские права для проверки, следует ответ, который гражданин мог позволить себе только в анекдоте:

– *Ваши права!*

– *Если бы у меня были права, ты бы вкалывал на Севере с кувалдой.*

И народ принимает «симметричные» меры. На дефицит и коррупцию начальства отвечают массовым стяжательством или, говоря проще, воровством. Как выразился французский исследователь А. Безансон: «Раз все должно быть отдано коллективу, обществу, все и отдается... Он (советский человек. – Прим. С.Б.) все отдал, чтобы теперь все тащить» [Безансон, 2002: 107].

– *Будет ли воровство при коммунизме?*

– *Нет, все разворуют при социализме.*

Конечно, в зеркале анекдотов воровство преувеличивалось. Многие советские люди не были включены в практики воровства на регулярной основе. Однако в анекдотах вороватость советских людей является общим местом. Казалось бы, как можно приписывать себе этот некрасивый поступок? Ведь очевидно, что воровать плохо. Однако заметим, что в анекдотах речь идет о воровстве не у граждан, а лишь у государства. Воровство трактуется как своеобразная месть государству, которое заставляет людей стоять в очередях, делает повседневную жизнь людей неудобной в бытовом отношении и лживой в части публичного дискурса.

Легитимация повсеместного воровства восходит к его жизненной необходимости, невозможности жить «с чистыми руками»:

– *Почему люди в СССР протягивают руки на государственное добро?*

– *Если бы не протянули руки, то протянули бы ноги.*

В анекдотах отчетлива видна не только оправданность воровства, но даже своего рода любовное отношение к нему, выходящее за пределы морали. В анекдотах на тему «тащиловки» есть элемент национальной гордости, признак отличия от других народов, поскольку «только нам это удается!», «только мы так можем!»³:

– *Какая страна самая богатая?*

– *СССР. Семьдесят лет ее разворовывают и никак разворовать не могут.*

Примечательно, что в анекдотах в качестве самых оборотистых и находчивых персонажей неформальной экономики часто выступают лица еврейской национальности и не встречаются чукчи, потому что в анекдотическом жанре им приписывают наивность, несовместимую с изобретательностью и оборотистостью тех, кто умеет «крутиться».

Персонажи анекдотов про «несунов» и «растратчиков» – продавцы, бригадиры, рабочие, колхозники, бухгалтеры – никогда не маркируются как воры. Это слово отсутствует как таковое. Однако есть отдельная острота: «ВОР – *Весьма Ответственный Работник*». Воровство – это «там», у «них», «наверху», тогда как «у нас» – выживание, стихийное движение в сторону социальной справедливости. «Они» – воруют, а «мы» – «химичим», «крутимся, как можем», поскольку иначе не прожить.

В анекдотах в принципе нет положительных персонажей, главный обобщенный герой – это плут, остроумный и находчивый, обращающий самую тупиковую ситуацию себе во благо, способный иронизировать над трагическим. «Плутуловской опыт», зафиксированный в анекдотах, являлся своеобразной энциклопедией стереотипов мышления и поведения советского человека.

Этот человек точно знает, что всюду, куда проникает рука государства, воцаряется ложь и упадок, а победные реляции держатся исключительно на приписках. Народ фиксирует разрыв пропаганды и повседневной жизни, официальной статистики и реального потребления:

– *По мясу мы перегнали Америку. И по молоку. А вот по хлебу пока отстаем.*

– *Слава Богу, хоть с хлебом будем.*

³Эту же деталь подметила Л. Зубанова применительно к анекдотам о пьянстве [Зубанова, 2012: 78–87].

В этой ситуации поступки несунув, фарцовщиков, спекулянтов, расхитителей и прочих несознательных граждан носят характер ответных действий, легитимация которых прямо апеллирует к нечестности и глупости советских порядков. Недостатки системы гиперболизируются, что делает возможным оправдание теневых практик простых граждан как компенсаторных и адаптационных стратегий.

На фоне вала анекдотов про советскую действительность напрашивается вывод, что народ резко негативно оценивал жизнь в СССР, и только страх перед КГБ удерживал народные массы от протеста. Этот вывод делают многие западные публицисты, анализирующие советские анекдоты. И ошибаются. Все тоньше и сложнее. Народ смеялся над «своим» миром, понятным только ему, в котором он легко ориентируется, где нет неразрешимых проблем, а границы добра и зла проходят вовсе не по линии уголовного или административного права.

Таким образом, анекдоты как энциклопедия социального опыта фиксируют обыденность неформальной экономики, ее легитимность, если речь идет о практиках «простых людей». Анекдоты не просто фиксируют разнообразные формы неформальной экономики, но и способствуют их распространению, обучая в максимально доходчивой форме нормам стереотипного группового поведения. Более того, находчивость и изобретательность по конструированию неформальных практик выживания служат предметом национальной гордости.

Советские анекдоты при всей гротесковости и легкости жанра явились самым точным и достоверным свидетельством умонастроения эпохи. Как писал М. Пришвин: «Существует ли общественное мнение? Оно – в молчании и анекдотах» (цит. по: [Мельниченко, 2014: 26]).

Россия в 1990-е годы: «новые русские» как месть «новых грустных». Начало реформ было столь резким и необдуманым, что привело к обрушению экономики и страшным социальным потрясениям. Демократические свободы и рыночные принципы экономики были оплачены колоссальной деградацией хозяйства. Типичная шутка начала 1990-х гг.: «Россия встала с колен, но для этого ей пришлось сбросить с себя тяжесть экономики».

Нелегитимное обогащение узкой части населения отразилось в анекдотическом творчестве. «Визитной карточкой» анекдотов в 1990-е гг. становятся «новые русские» как утрированный образ зарождающейся буржуазии. «Новые русские» в анекдотах часто говорят «по фене», т.е. используют сленг криминального мира. Эта стилизованность анекдотов про «новых русских» точно отражает то обстоятельство, что бизнес в эти годы был неразрывно связан с бандитами, обеспечивающими сохранение прав собственности и выполнение контрактного права предпринимателей в условиях разложения государственности.

Поводом для анекдотов послужили потребительские практики «новых русских», их демонстративная роскошь и нарочитая парадность. Фактически, анекдоты про «новых русских» стали российским вариантом реакции на появление «нуворишей», резко врывающихся в высшее общество. Подобным уничижительным сарказмом встречали нарождающуюся буржуазию аристократы. Прежние «аристократы» советской системы – ученые, писатели, герои социалистического труда и другие группы, находящиеся на верхних этажах социальной лестницы – стали «новыми грустными», быстро теряющими статусные и имущественные преимущества.

Прообразами «новых русских» были первые российские предприниматели. Однако, по данным социологических опросов, у них в подавляющем большинстве было высшее образование, и их потребительские практики трудно назвать роскошными [Гудков, 1998]. Да и инфраструктуры роскоши в стране еще не было. Конечно, исключение составляли олигархи, сверхбогатые люди с исключительными политическими возможностями, но они были недостижимы для наблюдения обывателей, поэтому не могли стать прототипами анекдотов. Но по сравнению с довольно аскетичным потреблением советского образца, да еще на фоне резкого ухудшения положения большинства россиян, новые предприниматели казались весьма состоятельными. А в мире анекдотов они были богаты, как шейхи: «Поймал “новый русский” Золотую Рыбку: “Чего ты хочешь, Золотая Рыбка?”»

Первые предприниматели в постсоветской России активно демонстрировали успех посредством расточительного потребления, резко контрастируя с образом буржуа-протестанта. В этой демонстративной роскоши была радость освобождения от прежнего

дефицита, головокружение от свободы. Ведь предприниматели советского периода вели подпольную жизнь, тщательно скрывая от окружающих свои потребительские возможности. Легализация предпринимательства давала право не скрывать деловой успех, открыто конвертировать его в потребление. Население не считало этот успех заслуженным и мстило, сочиняя многочисленные анекдоты, где обладатели богатства выставлялись как бескультурные и безвкусные хвастуны. «У нового русского сгорела библиотека. Дотла. Обе книги». Отдельным кластером идут анекдоты о детях «новых русских», которые плохо учатся, проявляют тупость и ограниченность.

В пространстве анекдотов «новые русские» совершают необдуманные и нелепые покупки только ради того, чтобы создать имидж богатых людей. В них подчеркивается, что деньги пришли к этим людям незаслуженно и без особого труда, в тесной связи с противозаконными действиями, именно поэтому они так легко тратятся.

Анекдоты о «новых русских» отразили не столько характер первых российских предпринимателей, сколько состояние общественного сознания, в котором они рождались и распространялись, нелегитимность предпринимательства в первые годы рыночной экономики. Не произнося слов про неформальную экономику, анекдоты подчеркивали, что хозяевами жизни становятся те, кому «закон не писан», кто тесно связан с бандитским миром. Неправедное обогащение и нелепое расточительство – вот два содержательных элемента этих анекдотов.

В 1990-е гг. недееспособное государство уходит на обочину экономической реальности, неформальная экономика из анклава выходит на авансцену. Закон становится мишурой, слегка декорирующей экономику, которая в реальности регулируется неформальными договоренностями, гарантом которых выступают бандиты. Само понятие «неформальная экономика» становится весьма проблематичным, поскольку другой экономики в России не наблюдается.

Однако практики «новых грустных», их способы включения в неформальную экономику ради выживания (челночный трансграничный бизнес, работа «в отходе», самообеспечение продовольствием с подсобных хозяйств и дач и пр.) не находят массового отражения в анекдотах. Анекдотическая картина мира «новых грустных» фокусируется на символической мести «новым русским», демонстрирующим глупое расточительство и незаслуженный успех.

Россия 2000-х: осмеянные чиновники и несбывшиеся надежды. В 2000-е гг. ситуация меняется. Политика В. Путина направлена на «возвращение» государства в экономику, на усиление «властной вертикали». Анекдоты про «новых русских» становятся приметой прошлого. Главными героями становятся чиновники, депутаты, судьи, то есть представители трех ветвей власти. Практически все анекдоты про представителей государства обыгрывают жадность и коррумпированность государственных служб. Безусловное лидерство в пространстве анекдотов принадлежит чиновникам как представителям исполнительной власти.

Тема воровства – не новая для россиян. Однако тональность анекдотов про воровство резко меняется. В советских анекдотах обыгрывалась «тащиловка» с фабрик и колхозных полей, легитимируемая дефицитом и тем, что «все вокруг колхозное, все вокруг мое». В современной России главный персонаж анекдотов на тему воровства – чиновник, который ворует средства государственного бюджета либо берет взятки с граждан и предпринимателей. «Чиновники для пиара хотели посадить дерево, но по привычке опять распилили».

Конечно, и в советское время партийная и хозяйственная элита жила существенно лучше рядовых работников. Но это была узаконенная государством система привилегированного распределения, дополняемая отношениями блата. Эти люди пользовались легальными возможностями, дифференцирующими население по возможностям потребления. Рыночная реформа уничтожила систему закрытых «распределителей», формально лишила армию чиновников и партийных функционеров каких-либо привилегий. Однако на смену легальным привилегиям пришел латентный механизм социального расслоения. Масштабное и повсеместное участие чиновников в коррупционных схемах и «распилах» бюджетов всех уровней обеспечило им высокие доходы. В анекдотах про чиновников нет добродушного снисхождения, нет любования изобретательностью вора. Сарказм

доходит до откровенного издевательства: «Опрос показал, что 70% чиновников не понимают значение выражения “иметь совесть”, а 30% – понимают его в эротическом смысле».

Попытки прекратить эти практики оказываются малоэффективными и беспомощными. Например, государство вменяет в обязанность чиновников декларировать свои доходы и имущество. Но это инициатива превратилась в шутовство, в фарс. Речь идет о практике переписывания имущества на жен, детей, родственников: «Министерство по налогам и сборам подтвердило, что наши мэры и чиновники поголовно оказались бессовестными альфонсами».

Даже Олимпиада, подготовка к которой была объявлена делом чести страны и шла под личным контролем президента, не остановила изобретательных чиновников: «Деньги, выделенные из бюджета на подготовку к Олимпиаде, будут воровать не как обычно, а быстрее, выше, сильнее».

Что примечательно, в анекдотах коррупция чиновников выглядит не как их индивидуальный выбор, персональная склонность, а как характеристика системы, ее сущностная основа. Подчеркивается тотальная нечестность «слуг народа»:

– А что если стрелять коррумпированных чиновников?

– Ты что? Призываешь к свержению государственного строя?

Практически все анекдоты про ворующих чиновников подчеркивают системность этой практики, ее укорененность в государственном устройстве, тотальную причастность представителей госаппарата к расхищению бюджета и коррупции. Люди, прежде азартно выносящие через проходные «народное добро», теперь оказались в роли наблюдателей масштабного воровства представителей власти. Простые люди больше не воруют у государства, их оттеснили от этих практик чиновники: «Не воруй! Государство не любит конкурентов».

Популярность чиновников в качестве мишени для шуток оспаривают лишь депутаты. Их беспринципность и коррумпированность, незаслуженное вознаграждение становятся мишенью для анекдотического творчества.

– Почему с каждым чтением депутатами антикоррупционного закона уголовная ответственность за получение взятки уменьшается?

– Потому что для коррупционеров чтение этого закона уже наказание.

Анекдоты подчеркивают прямую связь между низкими доходами основной части населения и богатством тех, кто стоит наверху социальной лестницы. В этих анекдотах нет социального оптимизма, нет радости плута, который смог обмануть начальника, нет и намека на национальную гордость ввиду особой ловкости вора. Сплошной пессимизм и обреченность.

– Папа, а что такое зарплата?

– Это, сынок, компенсация тем, кто не умеет воровать, от тех, кто их обкрадывает.

Стоит подчеркнуть, что высмеивается деятельность тех служб, которые позиционируются как главные борцы с теневой экономикой: прокуратура, налоговая инспекция. Эти службы беспомощны и бесполезны в борьбе с крупным воровством, но портят жизнь малому и среднему бизнесу, за что им достается львиная доля народного смеха.

Начальник пожарной охраны вразвалочку, руки в карманы, заходит в комнату, где в ожидании сидит пожарная команда, и спокойно так говорит:

– Мужики, доигрывайте партию в домино и начинайте потихоньку собираться, здание налоговой полиции горит...

Тема пожара в налоговой инспекции популярна в российских анекдотах, а их развязка вполне предсказуема. «Пару часов назад загорелось здание налоговой службы. Граждане помогли кто чем мог: дровами, углем, бензином».

«Налоговая мораль» населения коррозийрует под натиском информации о том, как очередной чиновник высокого ранга использовал средства государственного бюджета в личных целях. Вывод обывателя сводится к тому, что уплата налогов не улучшает качество предоставляемых государством услуг, а лишь обеспечивает роскошную жизнь «слуг народа». «Когда вы уклоняетесь от налогов, где-то плачет ребенок чиновника, которому не хватает на “Бентли” и кокаин».

Бухгалтер становится одним из самых популярных персонажей российских анекдотов на экономическую тему. Именно он «прячет» доходы фирмы от государства, ведет «вторую бухгалтерию», знает все секреты теневой экономики. Бухгалтер является живым

носителем компромата на любого руководителя. Его умение сократить налогооблагаемую базу получило иносказательное название «оптимизировать налоги», за что руководитель готов платить бухгалтеру высокую зарплату. Простое умение вести бухгалтерский учет в строгом соответствии с законом и уплачивать все необходимые налоги является признаком непрофессионализма бухгалтера. *«Если ваш бухгалтер платит все налоги – пусть получает зарплату в налоговой инспекции».*

Анекдоты точно диагностируют ситуацию, при которой неуплата налогов создает едва ли больше рисков для предпринимателя, чем их уплата. Полная уплата налогов предполагает прозрачность бизнеса перед государством. В случае привлекательного бизнеса возникает соблазн рейдерских захватов со стороны силовых структур, выполняющие заказы представителей государства. «Прозрачность» бизнеса лишь усиливает внимание налоговых органов, нашедших благодатную площадку для проверок. Уплата налогов никогда не исключает дополнительные налоги и штрафы, учитывая сложность российского законодательства. Тогда как в тщательно скрываемом бизнесе разобраться значительно сложнее.

Встречаются два знакомых бизнесмена:

– Ты налоги заплатил?

– Да, заплатил.

– Теперь живешь спокойно?

– Нет. Теперь объясняю налоговой, откуда взял столько денег, чтобы заплатить...

Значительный сегмент неформальной экономики связан с теневым рынком труда. На смену дефициту на рабочую силу, распространенному в СССР, пришла безработица. В этих условиях люди стали соглашаться работать на тех условиях, которые диктуют работодатели. Возник огромный теневой рынок труда, на котором люди трудятся либо без оформления трудового контракта с работодателем, либо только частично получая заработную плату «в белую». «Белая» зарплата – это налогооблагаемая часть доходов. «Серая» зарплата (или, как ее называют, «зарплата в конвертах») – не подлежит налогообложению. «Теневые» зарплаты выгодны работодателям, которые не платят за «теневых» работников отчисления в Пенсионный фонд и Фонд обязательного медицинского страхования.

Государство «перекладывает» ответственность за решение этой проблемы на самих работников, призывая их бороться за легализацию своего трудового статуса, что необходимо, в частности, для получения пенсии по старости. Это неразрешимая для работников задача в ситуации безработицы и коррозии профсоюзного движения. Кроме того, государство установило минимальный размер оплаты труда ниже прожиточного минимума, что позволило работодателям формально назначать очень низкую «белую» зарплату. Борьба работников за свои права обыгрывается в анекдотах: *«Вчера на работе искали справедливость. Сегодня ищем работу».*

Государство предлагает работникам отстаивать свои права в судах. И по трудовым спорам большинство решений принимается в пользу работников. Однако в анекдотическом творчестве прочно закреплено нежелание людей обращаться в суд ввиду изначального неверия в честность и неподкупность судей. Эта тема сохранилась с советских времен, анекдоты на эту тему являются вариациями советских анекдотов. Но появляется новый сюжет, связанный с дифференциацией наказаний для высокопоставленных чиновников и обычных людей. Такого рода анекдоты массово сочиняются после громких коррупционных дел, заканчивающихся «смешными» приговорами. Несоразмерность наказания и преступлений становится частой темой анекдотов.

Судья встает для оглашения приговора. Но его отвлекает помощник.

Помощник: Дело о хищении 64 миллионов рублей, выделенных на ремонт федеральной трассы. Всего было выделено 2,7 миллиарда.

Судья: Так это же меньше 3%. И вы из-за этой ерунды меня отвлекаете? Выпишите штраф тысяч на 100 и нормально.

Обращается к подсудимому: Итак, согласно материалам дела, вы украли у соседки курицу. Суд приговаривает вас к наказанию сроком на 5 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима».

В целом отношение к законам также подвергается деформации в зеркале анекдотов. Постсоветское творчество высмеивает законы, их неадекватность реалиям, тем самым

легитимируя их игнорирование, что служит почвой для широкого распространения неформальной экономики. «Все жалуются, что в России не выполняются законы. Вы просто не представляете себе, как будет плохо, если все эти законы начнут выполняться!». Тотальное нарушение законов становится общим местом, не имеющим исключения: «Законы существуют для того, чтобы все знали, что именно они нарушают». Тотальная виновность рождает не страх, а бесшабашную удачу населения, сводящего счеты с абсурдностью выстроенного государством порядка с помощью меткой шутки и остроумного анекдота.

Сама «теневая экономика» начинает выступать персонажем анекдотов:

– А что там за интересная дама, которая не плавает, не загорает, а постоянно лежит в тени?

– Это – экономика России.

Подведем итоги. Три выделенных периода (развитой социализм, Россия радикальной реформации в 1990-е гг. и стабилизации в 2000-е) специфически отражаются в зеркале анекдотов. Происходит изменение тематики и стилистики анекдотов. Систематизируем наши наблюдения в отношении анекдотов о неформальной экономике в зависимости от этапа, переживаемого страной (табл.).

Советские анекдоты – образцы иронично-снихождительного отношения к воровству простых людей у государства, что легитимировалось тотальным дефицитом. Ловкие «несуны» таким изобретательным способом восстанавливали социальную справедливость. Эти анекдоты словно подводили итог незримого турнира по обворовыванию страны между обычным народом и представителями власти, фиксируя счет «один – один», то есть ничью.

Реформа, начавшаяся в правление Ельцина, кардинально изменила политический и социально-экономический ландшафт страны. «Несуны» канули в прошлое, поскольку

Таблица

Персонажи неформальной экономики в анекдотах

Критерии сравнения	СССР (вторая половина XX в.)	1990-е	2000-е
Типичный персонаж	Вор социалистической собственности («несун»)	Первые предприниматели («новые русские»)	Чиновники, депутаты
Отношение рассказчика	Снисхождение	Культурное превосходство	Резкое осуждение
Стилистический прием	Ирония	Гротеск, гипербола	Сарказм
Позиция рассказчика	На равных	Сверху вниз	Снизу вверх
Источник знания	Личный опыт, собственная включенность в анекдотичные ситуации	Наблюдения за первыми предпринимателями	Сообщения в СМИ
Условия возникновения	Экономика дефицита	Легальное предпринимательство и растущее неравенство в условиях коллапса экономики	Выстраивание «вертикали власти»
Функция	Легитимация мелкого воровства у государства как способ восстановления социальной справедливости	Символическая и компенсаторная защита «новых грустных» как более честных и культурных, их месть «новым русским»	Канализация разочарования от хода реформ, поиск виновных среди представителей власти
Рамочный концепт	Понимание справедливости как равенства в распределении благ	Нелегитимное богатство, которое не совместимо с «чистой совестью»	«Наивный» монархизм (хороший царь и плохие бояре)

нечего стало уносить с предприятий, массово прекративших свою деятельность. Люди теряли работу, инфляция стремительно обесценивала их накопления. Государство теряло рычаги управления страной. На этом фоне успехи нарождающейся буржуазии, тесно сросшейся с бандитами, воспринимались населением как несправедливые, а сами предприниматели высмеивались за приписываемые им необразованность, хвастовство, тягу к демонстративной роскоши. Типичным персонажем таких анекдотов становятся «новые русские». Население, массово скатившееся в «низы» общества, мстило тем, кого мутные воды реформ вынесли «наверх».

С приходом В. Путина ситуация стабилизировалась. Предпринимательство стало привычным и легитимным видом деятельности, а государство – не декоративным, а реальным агентом экономического порядка. Да и сами предприниматели изменились. Криминальные войны закончились, вчерашние бандиты конвертировались в «цивилизованных» бизнесменов, уставших от демонстрации «понтов». Анекдоты про «новых русских» стали неактуальны. Однако население не получило той страны, о которой мечтало. Либерально настроенная часть общества была разочарована половинчатостью реформ, недостатком политических и экономических свобод. Национал-консервативные круги общества также были не удовлетворены результатом реформ: «могучая империя», Советский Союз трансформировался в страну со слабой экономикой и малыми возможностями влияния на судьбы мира. То есть сторонники разных политических и идеологических проектов сошлись на том, что жертвы 1990-х гг. были напрасными, реформа не привела к созданию желаемой новой России. Хотя идеальный образ этой новой России виделся им по-разному.

Виновными были назначены чиновники, которые своей жадностью губят любое хорошее начинание верховной власти. Поддержка Путина и неудовлетворенность экономической и социальной ситуацией находят примирение в рассуждении о «хорошем царе» и «плохих боярах», что составляет сущность так называемого «наивного монархизма» [Мамонова, 2016]. Осмеяние «бояр», с одной стороны, роняет престиж государственной власти, но, с другой стороны, укрепляет авторитет верховного правителя. Неформальная экономика в зеркале анекдотов связывается с такими понятиями, как «коррупция», «распил», «откат», то есть действиями, которые совершают «плохие бояре».

Однако важно заметить, что «несунов» и «новых русских» большая часть населения наблюдала воочию в повседневной жизни. Тогда как осмеянные герои современных анекдотов – чиновники высокого уровня, мэры, депутаты – за редким исключением недоступны для наблюдения обывателей. Обыватель смеется над ситуацией, не знакомой ему по собственному опыту, но навязанной ему СМИ. Почвой для анекдотов служат не только и не столько личные контакты населения, сколько сообщения в СМИ об очередном аресте чиновника в связи со злоупотреблением властью в личных целях. Фактически, эти анекдоты явились продуктом СМИ, канализирующими недовольство положением дел в стране в форму осуждения чиновников. В этой ситуации смех не просто сглаживает конфликт между народом и властью, но укрепляет веру в «хорошего царя» и «плохих бояр».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Пер. с древнегреч. В.Г. Аппельрота. М.: Гос. Изд-во худож. литературы, 1957.
- Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- Безансон А. Извращение добра / Пер. с франц. Н. Кисловой и Т. Чугуновой. М.: Изд-во «МИК», 2002.
- Бергсон А. Смех. М.: Изд-во «Искусство», 1992.
- Бутенко И.А. Юмор как предмет социологии? // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 135–141.
- Гудков Л. Легенды и мифы современной России: нет у нас никаких «новых русских» // Знание – сила. 1998. № 1. С. 24–31.
- Дмитриев А.В. Социология юмора. Очерки. М.: РАН, 1996.
- Зубанова Л.Б. Русский национальный характер в юмористической самопрезентации (социологический анализ анекдота) // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 78–87.
- Карасев Л.В. Парадокс о смехе // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 47–65.
- Мельниченко М. Советский анекдот (указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. с нем. Додельцева Р.М.: Изд-во Азбука, 2015.

Graham S. A cultural analysis of the Russo-Soviet anecdote. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2003.

Grossman G. The Second Economy of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. No.26 (5). P. 25–40.

Mamonova N. Naive Monarchism and Rural Resistance in Contemporary Russia // *Rural Sociology*. 2016. No. 81 (3). P. 316–324.

Статья поступила: 19.03.18. Финальная версия: 20.05.18. Принята к публикации: 26.05.18.

JOKES ON THE INFORMAL ECONOMY: FUNNY OR SERIOUS

BARSUKOVA S.Y.

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Svetlana Y. BARSUKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Economic Sociology, Deputy Head at the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (svbars@mail.ru).

Acknowledgements. Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

Abstract. The article is devoted to anecdotes about informal economy. They tell us about corruption, theft in production, shadow entrepreneurship, informal channels of distribution of scarce goods etc. These anecdotes are a peculiar encyclopedia of soviet and post-soviet man's patterns and stereotypes of thinking. The article develops the thesis that laughing refers to negative emotions and turns them into humor and jokes. The laughing serves as a social critic's instrument, which emphasizes the difference between reality and expectation. The anecdotes do not solve any problems but decrease their severity and help to adopt to them. The article analyzes three periods: the USSR, Russia of 90-th and Russia after 2000. The USSR's informal economy was based on deficit. It created informal exchanges in social networks ('blat') and theft in production ('tashilovka'). In those anecdotes, the legitimization of those practices appeals to the unfairness and stupidity of soviet rules. The soviet anecdotes hyperbolized the system's disadvantages that justified soviet people's shadow practices as an adoptive strategy and reviving of social justice. In 90-th 'new Russians' became the main characters of the anecdotes. Common people jeered at entrepreneurs' lack of education, boast, and desire to demonstrate luxury. People, who had become poor, revenged the ones whose enrichment was considered unfair. After 2000-year officials became the main characters of the anecdotes. According to those anecdotes, their greed spoils every president's intention. In fact, those anecdotes were the way of expression people's discontent about the results of reforms.

Keywords: jokes, laughter practices, informal economy.

REFERENCES

- Aristotel (1957) *Poetics. About the art of poetry*. Moscow: State publishing house of artistic literature. (In Russ.)
- Barsukova S. (2015) *Essays on Informal Economy, or Sixteen Shades of Gray*. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.).
- Bazanson A. (2002) *The perversion of the good*. Moscow: Izdatelstvo "MIK". (In Russ.)
- Bergson A. (1992) *Laughter*. Moscow: Izdatelstvo "Iskusstvo". (In Russ.)
- Butenko I.A. (1997) Humor as a subject of sociology? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No.5: 135–141. (In Russ.)
- Dmitriev A.V. (1996) *Sociology of humor. Essays*. Moscow: RAN (In Russ.)
- Graham S. (2003) *A cultural analysis of the Russo-Soviet anecdote*. Pittsburgh: University of Pittsburgh.
- Grossman G. (1977) The Second Economy of the USSR. *Problems of Communism*. No.26 (5): 25–40.
- Gudkov L. (1998) Legends and myths of modern Russia: we do not have any of the "new Russian». *Znanie – sila* [Knowledge is power]. No.1: 24–31. (In Russ.)
- Karasev L.V. (1989) The paradox of laughter. *Voprosy filosofii* [Question of philosophy]. No.5. P. 47–65. (In Russ.)
- Mamonova N. (2016) Naive Monarchism and Rural Resistance in Contemporary Russia. *Rural Sociology*. No. 81 (3): 316–324. DOI: 10.1111/ruso.12097
- Melnichenko M. (2014) *Soviet anecdote (index of stories)*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
- Freud Z. (2015) *Wit and his attitude to the unconscious*. Moscow: Izdatelstvo Azбука. (In Russ.)
- Zubanova L.B. (2012) Russian national character in a humorous self-presentation (sociological analysis of the joke). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 10: 78–87. (In Russ.)

Received: 19.03.18. Final version: 20.05.18. Accepted: 26.05.18.